

АЛЬМАНАХЪ ГАСТРОНОМОВЪ.

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ
ПРОДОЛЖЕНІЕ ОБЪДОВЪ
ДО ДЕВЯТИДЕСЯТАГО.

РАЗЛИЧНЫЕ ПУНШИ: ГОРЯЧІЕ, ХОЛОДНЫЕ, МОРОЖЕННЫЕ И
ЖЖОНКИ; ЗАГОТОВЛЕНІЕ ВЪ ПРОКЪ НА ЗИМУ ПРОДУКТОВЪ
ПО ФРАНЦУЗСКОМУ СПОСОБУ, И ПОДРОБНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ О
ПОКУПКѢ И ПРОДАЖѢ ЖИЗНЕННЫХЪ ПРИПАСОВЪ ВЪ СТО-
ЛИЦѢ.

Составленный

И. М. Радецкимъ,

БЫВШИМЪ МЕТРЕДОТЕЛЕМЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕРЦОГА МАКСИМИЛИАНА-ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОГО.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

—•—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 30 Сентября 1854 г.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Въ старину, когда образованный человѣческій умъ передавался въ извѣстность печатно въ книгахъ, объявленіе объ ней или предисловіе для оной было труднѣйшимъ дѣломъ автора.

Изъ книгъ прошедшихъ вѣковъ видно, что для изложенья предисловія, которое почиталось весьма важнымъ, писатель трудился съ усердіемъ и употреблялъ все свои умственные силы и старанія, чтобъ представить читателю подробный отчетъ о книгѣ въ настоящемъ ея видѣ. Критика въ то время была слаба, потому, что тогда не было журналовъ. Въ нашемъ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ, предисловіе къ книгѣ и объявленіе объ ней большею частію, переходитъ въ полное право издателя книги, который передѣлываетъ написанное авторомъ предисловіе по собственному усмотрѣнію, или составляетъ другое, совершенно противное мыслямъ автора.

Читатель прошедшихъ временъ, прочитавъ въ книгѣ предисловіе, имѣлъ объ ней достаточное понятіе. Въ настоящемъ просвѣщенномъ вѣкѣ каждая строка подлежитъ критикѣ, и не

рѣдко объявленіе о книгѣ объясняетъ одно, критикъ говорить другое, а книга содержитъ въ себѣ третье, а потому читатель находится въ затруднительномъ положеніи — кому и чему вѣрить!

Если прибавить къ этому интересъ издателя и покровительство, которыми пользуется авторъ, обстоятельства, въ которыхъ онъ находится, и безпощадное порицаніе критики, то читатель часто пріобрѣтаетъ то, чего бы онъ вовсе не желалъ, а долготѣнныя труды беззащитнаго писателя гибнутъ отъ одного злонамѣреннаго пера критика.

Кто испилъ горькую чашу на тернистомъ печатномъ пути какого бы то ни было умственного труда, тотъ повѣритъ вышесказанному.

Вмѣсто предисловія представляю читателямъ объясненіе на замѣчаніе критики, послѣдовавшей по выходѣ въ свѣтъ первой книги Альманаха (*).

Критика нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ журналовъ и газетъ до того была разнообразна, что читатель находился въ затрудненіи кому и чему вѣрить.

Въ одномъ журналѣ критикъ увѣрялъ читателей, что Альманахъ выходитъ съ цѣлію заставить поваровъ и кухарокъ изучать французскую литературу. Въ другомъ журналѣ критикъ рекомендовалъ книгу только богатымъ Гастрономамъ и хорошимъ поварамъ; въ третьемъ, четвертомъ журналѣ, и т. д., одинъ сравнивая поваренныя книги опытныхъ хозяекъ и кухарокъ съ Альманахомъ, предпочи-

(*) Лучше поздно, чѣмъ никогда, говоритъ древняя пословица.

талъ первыя: — другой не находилъ въ Альманахѣ ничего новаго, защищалъ твореніе хозяекъ и кухарокъ, будто бы справедливо заслужившихъ довѣренность публики; — иной начиналъ свой разборъ съ вѣрнымъ взглядомъ и основательными замѣчаніями, но кончалъ не повятно-двусмысленно. Однимъ словомъ, каждый судилъ по своему, что и побудило меня въ семь объясненій оправдаться предъ благосклонными читателями и представить имъ доказательства, что настоящая мысль автора не была замѣчена критикой.

Въ С.-Петербургѣ поваренныя книги издавались книгопродавцами въ переводахъ съ французскаго или при изданіи поваренныхъ книгъ выбирались блюда изъ другихъ поваренныхъ книгъ и составляли поварскіе календари, самоучители повареннаго искусства, книги подъ названіемъ поваровъ, приспѣшниковъ, искусниковъ и т. п., но выходили очень рѣдко.

Гостепріимная Москва дарила Россію ежегодно описаніемъ вкусныхъ и лакомыхъ яствъ своихъ коренныхъ хлѣбосоловъ. Московскія поваренныя книги составлялись въ началѣ Русскими поварами, а въ послѣдствіи хозяйками болѣе для провинцій. Но С.-Петербургскій житель смотрѣлъ недовѣрчиво на совѣты отличнаго Русскаго кухмистра, или опытную хозяйку, по слѣдующей причинѣ: каждый почти вельможа въ С.-Петербургѣ имѣлъ повара Француза, (что и нынѣ у многихъ принято), которому жители С.-Петербурга, (съ ограниченнымъ даже состояніемъ) отдавали